

ПЛАЧ О ПОТЕРЯННОЙ ВЕЩИ

Вещь пропадает, словно
развоплощаясь. Неровно
книги стоят на полке,
платья висят на палке,
криво торчат заколки,
тряпки черны, как галки.

Вещь пропадает, вроде
как, вопреки природе,
вдруг уходит за полог
зримых шкафов и полок,
наподобье аферы,
в ноуменальные сферы.
И, метафизикой вея,
вещь уж не вещь, а идея.

Я стою на границе,
тру глаза и ресницы,
чая узреть, немного с
трепетом, – эйдос, логос.
Где-то у этой двери
мир этот, где потери
в месте злачном, сохранным,
в образе первозданном.

Где-то здесь, под рукою,
за воздушной рекою,
за пустыней немотной,
как за шторой плотной...
Как моя вещь там? Служит
маме моей иль дружит
с облачною грядкою,
с Рождественскою звездою?

Всё я перепахала
в доме, все одеяла
перетряхнула: что же...
Скоро и я так тоже:
р-раз – и ищите. Где-то
тут ведь была и – нету.
Книги стоят на полке,
платья висят на палке,
только лежат заколки,
только горланят галки.

ВЕРБА

Помню, как остывали
звёзды в реке ли, в чане,
выли, на помощь звали
бабы-односельчане.
Как кричала неясить
в полночь, когда счастливица
здесь забивали насмерть
два бугая-ревнивца.
Кости ломали, жилы
рвали, аж кровь кипела –
за молодые силы,

за красивое тело.
За лицо – без изъяна,
статный стан без ущерба,
где одна средь бурьяна
лишь молодая верба.

За глаза – без порока,
кожу – белее мела.
И засохла до срока
верба да почернела.
Словно смерть человечью
взяв себе, в день воскресный
молодца – вербной речью,
силой своей древесной,
ветками оплела,
листьями обложила,
на ноги подняла,
соками опоила...

Бабы, о вербе той,
пьяны, хмельны ль, тверёзы,
песни слагают, – пой
с ними, глотая слёзы!..

АККОРД

Такие странные дела:
соседка утку родила,
сожигатель запил, мать лютует.
Набила на щеку тату
племянница, да не на ту,
а бабка краденым торгует.

Повсюду жизнь: она, как шмель,
закрой окно – отыщет щель,
она, как мышь, зерно отыщет.
Запрячет ключ – подкинет кость,
войдёт, как тать, – уйдёт, как гость,
как ветер – веет, воет, свищет.

И кто потом поймёт её?
Какое пёстрое жнивье:
всё вместе – плевелы и злаки.
И, как заметил домуправ,
здесь шавки, моськи, волкодав,
гиены, волки и собаки.

Кто крупную находит дичь,
кто бьёт мелкашку, кто достичь
желал бы сразу райской дверцы,
кто греет злость, кто копит хлам,
кто затаился по углам,
а кто бульжник носит в сердце.

...Но наступает миг, когда
гурьба, толпа, братва, орда,
кто – в облаках, кто – в нечистотах,
кто сам в себе – упёрт и горд –
сливаются в один аккорд,
пугающий на нижних нотах.